

— Да твою же мать! — Сюй Ее схватилась за голову с видом полнейшего отчаяния. Точно так же выглядел Чжан Хэ всякий раз, когда узнавал о новой дикой выходке Цзи Яо, которая никак не укладывалась в рамки приличий. — Яояо, тебе вообще не страшно, что однажды тебя затащат в подворотню и наденут мешок на голову?

К тому времени они уже добрались до квартиры Чжан Хэ и теперь болтали, устроившись по-турецки прямо на ковре в гостиной. Общие неприятности сблизили Сюй Ее и Цзи Яо, породив между ними некое подобие боевого братства. Цзи Яо и вовсе записал её в святые: всю дорогу до дома он не затыкался, осыпая её заботой и расспросами, пока Чжан Хэ не потерял терпение и силой не вдавил его макушку в автомобильное сиденье. Только тогда в салоне наконец воцарилась тишина.

Оказавшись в тепле, Сюй Ее сразу же затребовала подробностей, и Цзи Яо выложил всё как на духу. Выслушав его исповедь, она лишь театрально воздела руки к небу, сокрушаясь, что высшие силы до сих пор не покарали этого смазливового чертяку.

— Да я-то тут при чём? — Цзи Яо прижал к себе диванную подушку, изо всех сил строя из себя невинную жертву. — Откуда мне было знать, что мы столкнемся нос к носу?

Чжан Хэ не выносил, когда тот начинал канючить. Смерив друга хмурым взглядом, он без церемоний выдрал подушку из его рук и перебросил Сюй Ее. Та с довольным видом перехватила её и заговорщически подмигнула поверженному сопернику.

Цзи Яо лишь обиженно надул губы. На душе у малыша скребли кошки, но малыш решил гордо промолчать.

— Ну ты и подонок, — покачала головой Сюй Ее, продолжая цокать языком. — Господи, у меня в голове это не укладывается. Слушай, можно я солью твои художества на какой-нибудь форум?

— Валяй, — лениво отмахнулся Цзи Яо. — Главное — не деанонь, а в остальном пиши что хочешь. — Немного подумав, он философски добавил: — Хотя, даже если и слила бы реальные контакты, придётся смириться. Получу по заслугам.

Внутри у Цзи Яо сидела какая-то болезненная, отчаянная тяга к саморазрушению. Он прекрасно отдавал себе отчёт в своих поступках, понимал, что творит дичь и рано или поздно за это прилетит ответка, но ломать себя и меняться просто не желал.

Когда-то Чжан Хэ пытался вразумить его, обвиняя в бесконечном поиске приключений на пятую точку. Тогда Цзи Яо с ледяным спокойствием сам перечислил по пунктам все возможные кары, которые могут на него обрушиться. Чжан Хэ опешил, а потом разозлился ещё сильнее:

— Если ты всё понимаешь, какого чёрта творишь?!

— А мне не страшно, — беззаботно улыбнулся Цзи Яо.

— Смелый, пока по голове не получил, — процедил Чжан Хэ. — Вот огребёшь пару раз по крупному, быстро спесь сойдёт.

Цзи Яо согласно закивал:

— Именно! Вот сейчас мне кажется, что если меня обольют грязью в сети, набьют морду или отомстят как-то иначе, то это будет вполне заслуженно. Бояться нечего. Но не исключено, что, получив реальный удар, я обнаружу, что переоценил свои силы. Скукожусь, расскаюсь, начну жизнь с чистого листа и навсегда завяжу с этим дерьмом.

Чжан Хэ молча уставился на него. Он слишком хорошо знал этого парня, чтобы поверить в его внезапное раскаяние. Наверняка сейчас выдаст очередную циничную шуточку.

И действительно, Цзи Яо не спеша потянулся к тарелке, взял острую утиную шейку, ловко обглодал её, выплюнул косточку и расплылся в улыбке:

— Но ведь со мной этого ещё ни разу не случилось! Чистой воды парадокс: невозможно прочувствовать то, чего никогда не испытывал на собственной шкуре. Так что... будь что будет.

От этого наплевательского тона Чжан Хэ передёрнуло. Вот и сейчас он едва сдержался, чтобы не сорваться на крик. Но, проглотив крутившиеся на языке ругательства, он просто отвернулся к окну. Обсуждать подобные темы им двоим было противопоказано — любой такой разговор неизбежно заканчивался скандалом.

Они поужинали и ещё немного поболтали. В основном трещали без умолку Цзи Яо и Сюй Ее, пока Чжан Хэ сосредоточенно уничтожал запасы еды. Наконец гость начал собираться домой. Уже у самой двери Сюй Ее окликнула его.

Чжан Хэ ушел в душ, даже не подумав проводить друга — они знали друг друга слишком давно, чтобы разводить церемонии. Убедившись, что из ванной доносится шум воды, Сюй Ее заговорщически оглянулась и сунула Цзи Яо в руку какую-то мелочь. Тот опустил взгляд: на ладони лежал брелок с Бэтменом. Коллекционное лимитированное издание, за которым он безуспешно охотился несколько месяцев.

Лицо Цзи Яо мгновенно просияло. Он расплылся в широченной улыбке и крепко обнял девушку:

— Это мне?! Спасибо огромное!

Если бы не страх получить на орехи от ревнивого Чжан Хэ, он бы прямо там расцеловал её в обе щеки.

И хотя Сюй Ее души не чаяла в своём ненаглядном Чжане, при виде этой обезоруживающей, ангельской улыбки её сердце на мгновение предательски дрогнуло. Мысленно повторив буддийскую мудрость о тщете плотских соблазнов, она закатила глаза:

— Да не мне спасибо говори. Это Чжан Хэ просил привезти, когда я в прошлый раз за границу летала.

—... Чего?

— Ну да. Я тогда спросила, нужно ли ему что-нибудь привезти, он ответил, что себе ничего не хочет, но если вдруг попадётся этот брелок — взять обязательно. А когда я вернулась и спросила, отправить ли его тебе, он буркнул, чтобы я выбросила эту дешёвку в помойку. Только потом я узнала, что вы в пух и прах разругались.

Сюй Ее с подозрением прищурилась:

— Он и сегодня весь вечер сидел с такой кислой миной, словно лимон сожрал. Вы что, до сих пор не помирились?

Цзи Яо крепко сжал брелок в кулаке — острые ушки бэтменовской маски больно впились в ладонь. На долю секунды он застыл, но это мгновение пролетело так быстро, что Сюй Ее показалось, будто ей померещилось.

— Чёрт! — сокрушённо выдохнул Цзи Яо после короткой паузы. — Да я-то только за! Это Чжан Хэ меня в упор не видит и общаться не желает!

И ведь не соврал. После той некрасивой истории с Вэнь Линем Чжан Хэ действительно обдал его ледяным презрением. Нет, формально они общались, но от Чжан Хэ так и веяло красноречивым «отвали и не беси меня». Цзи Яо, при всей своей наглости, перед другом пасовал и лишь робко пытался подлизываться. И только когда у него совсем сдавали нервы, Чжан Хэ снисходил до того, чтобы одарить его царственным взглядом.

Казалось, гнев сменился милостью, но Чжан Хэ упорно держал дистанцию, ведя себя как заправская стерва, которая манит и не даёт. Если бы Чжан Хэ узнал, с какими девицами лёгкого поведения друг сравнивает его в мыслях, то от Цзи Яо и мокрого места бы не осталось. Цзи Яо чувствовал себя несчастным домашним питомцем, с которым хозяин играет от скуки. И если бы сегодня они случайно не наткнулись на Сюй Ее и Цзян Цютуна, этот холодный бойкот затянулся бы бог знает на сколько.

Пожаловавшись на горькую долю, Цзи Яо принялся слезно умолять Сюй Ее провести «ночную разъяснительную работу» со своим благоверным, дабы тот сменил гнев на милость и простил неразумного друга. Еще раз горячо поблагодарив её за спасение в кафе и за брелок, он наконец откланялся.

Закрыв за ним дверь, Сюй Ее вернулась в спальню. Чжан Хэ уже вышел из ванной и теперь небрежно вытирал волосы полотенцем. Капли воды скользили по его безупречно сложенному телу, очерчивая рельефные мышцы рук и пресса при каждом движении.

— Ну и что этот придурок тебе наплёл? — спросил Чжан Хэ, не оборачиваясь.

При виде такого зрелища в душе у Сюй Ее заплясали черти, но она сохранила абсолютно невозмутимый вид и строго заметила:

— И зачем ты вечно ходишь с недовольной миной? Бедный парень места себе не находит, извёлся весь из-за твоего молчания.

Произнеся это, она вдруг поймала себя на странной мысли: сейчас она вела себя как законная супруга, которая пытается примирить мужа с непутёвым деверем... Нет, деверь тут не подходит. Скорее уж с золовкой.

Представив Цзи Яо в роли капризной золовки, Сюй Ее вздрогнула от макушки до пят — образ получился настолько пугающим, что её так и передернуло.

Чжан Хэ не знал, куда на этот раз завели фантазии Сюй Ее. Он опустил глаза и тихо произнес: «А что, если я скажу, что действительно больше не хочу им заниматься?»

Изо дня в день разгребать его дерьмо, постоянно оказываться крайним, пока этот несносный идиот нагло и упрямо лезет на рожон, не желая останавливаться... Видеть, как близкий тебе человек упорно разрушает собственную жизнь, и быть не в силах этому помешать — попытка, которую не пожелаешь и врагу. Проще зажать уши и закрыть глаза, сделав вид, что тебя это больше не касается.

Цзи Яо и не подозревал, что его верный защитник всерьёз подумывает умыть руки. Вернувшись домой и наскоро приняв душ, он рухнул на кровать и открыл мессенджер. Он долго колебался, кому написать — поворковать ли с Юй Сыюанем или ковать железо, пока горячо, и продолжить штурм неприступной крепости по имени Цзян Цютун. Но палец случайно скользнул по экрану, прокрутив список контактов вниз, и наткнулся на профиль Вэнь Линя.

Он замер. Имя Вэнь Линя уже стерлось из его памяти, и если бы Сюй Ее сегодня не завела о нём разговор, он бы и не вспомнил о существовании этого человека.

Перед уходом Сюй Ее в сердцах заявила, что Цзи Яо обязательно покарает молния за его жестокие игры и что подлецы, разбивающие чужие сердца, заслуживают худшей участи. По её словам, от бедолаги Вэнь Линя живого места не осталось.

Тогда Цзи Яо лишь отмахнулся, решив, что парень с горя пустился во все тяжкие, спился или

подсел на дрянь. Но расспросы показали другое: Вэнь Линь просто ушел в себя. Он и раньше не отличался особой разговорчивостью, а теперь окончательно превратился в тень, разучившуюся улыбаться.

Поначалу Цзи Яо отнёсся к этому скептически — подумаешь, драма на почве разбитого сердца, с кем не бывает. Но сейчас в груди у него шевельнулось смутное, неприятное беспокойство.

Он зашел в диалог. Последнее сообщение на экране принадлежало Вэнь Линю.

Это было напоминание о той безобразной сцене на баскетбольной площадке, когда Цзи Яо бросил его и уехал с Чжан Хэ. В тот день на него навалилось слишком много всего, и длинную вереницу сообщений от брошенного парня он обнаружил лишь на следующее утро.

Вэнь Линь тогда, похоже, отчаялся окончательно. Сначала он долго просил прощения, а затем пустился в бесконечные откровения. Рассказал, как зародились эти чувства, как он понял, что болен им неизлечимо. Описал свой страх, отвращение к самому себе и панику от осознания, что ему нравится парень. Рассказал, как бежал в другой город в надежде стать «нормальным», но это бегство оказалось бессмысленным...

В конце длинного монолога Вэнь Линь еще раз извинился и робко спросил, могут ли они остаться друзьями. Цзи Яо тогда проигнорировал сообщение. А на рассвете следующего дня пришли еще два коротких текста.

«Так даже лучше»

«Желаю тебе найти того, кого ты по-настоящему полюбишь. Счастья вам и долгих лет вместе»

\*\*\*

О безответной страсти императорского чтеца Вэня к Его Величеству в столице знали все от мала до велика. Не раз праздные шутники во время хмельных пирушек пытались уколоть его побольнее, выведывая: неужели он так и проживет бобылем, если государь никогда не одарит его благосклонным взглядом? Мол, прокукуешь так лучшие годы, а там и ни одна приличная девица за тебя не пойдет.

Чтец Вэнь на подобные расспросы лишь мягко улыбался и кротко отвечал, что и сам не ведает.

Тогда любопытные допытывались, неужели за столько лет ожидания в его душе так и не угасла надежда.

И Вэнь вновь смиренно качал головой: ему это неведомо.

В тот памятный год, явившись во дворец под предлогом толкования древних свитков, он не совладал с нахлынувшими чувствами и открыл императору свое израненное сердце. Осознав всю глубину своей дерзости, он два часа безмолвно стоял на коленях у дворцовых ворот под проливным дождём, пока разгневанный герцог Чжан не велел ему убираться восвояси.

Вернувшись в свое скромное жилище, он засел за покаянное прошение. Полночи марал бумагу, взвешивал каждое слово, переписывал заново, но при чистовой переписке словно бес попутал: дрожащей рукой он приписал в самом конце еще одну робкую строчку.

Послание миновало Совет министров и легло прямиком на стол Его Величества, однако ответа не последовало. Дни тянулись мучительно медленно, словно чтеца Вэнь заживо поджаривали на медленном огне. Не выдержав пытки неизвестностью, он втайне обратился к верховному евнуху с расспросами, читал ли император его прошение.

Ему ответили:

— Вроде бы изволил прочесть, а вроде и нет.

Оторопев, Вэнь тихо спросил, как почивал государь в ту ночь после его ухода.

— Не извольте беспокоиться, — со смиренным поклоном промолвил евнух. — Его Величество пребывает в добром здравии. В тот вечер они изволили откусать вина с герцогом Чжаном, после чего отбыли на покой в покои добродетельной наложницы Цзян.

Императорский чтец лишь рассеянно кивнул. Все его безумные надежды рухнули в бездну, а на душе стало мертвенно-пусто.

Позже он пытался залить тоску хмельной брагой, но вино лишь разбередило раны. Хмельной и несчастный, он уснул в саду под раскидистой магнолией. Глядя сквозь полусонные веки на узорчатые тени ветвей в серебряном свете луны, он гадал: с кем в этот час государь делит ложе во дворце?

Он посмотрел на луну.

«Что ж, оно и к лучшему. Мы с ним из разных миров. Пусть же мой повелитель живет в мире и согласии со своими возлюбленными до глубокой старости»

Крепко прижав к груди кувшин с вином, он забылся тяжелым сном.

Чтец Вэнь полагал, что после этого его израненное сердце наконец остынет и превратится в пепел. Но любовь — упрямая гостья, совладать с ней ему оказалось не под силу.

И теперь, когда досужие зеваки спрашивали, доколе он намерен лелеять свою безумную мечту и не пора ли остепениться, он мог лишь повторять, что не знает.

Тот, кто отдал свое сердце другому, больше себе не принадлежит. Отныне и до конца дней его радости и печали, улыбки и вздохи подвластны лишь чужой воле.

<http://bllate.org/book/20554/2162121>